

щение к Гефсиманскому сюжету, прямые отсылки скорее несут художественный и культурологический характер, это авторские переложения известного сюжета, вплетенные в общий строй повествования. Для матери Марии (сборники 30–40-х годов) мотив моления о чаше приобретает личностный характер, лирический герой оказывается перед высшим судом и всегда готов «испить чашу до дна». Но есть и общие тенденции понимания мотива независимо от времени – это сопряжение моления о чаше и моления о России, соединение судеб Христа и русского народа, особенно в тяжелые годы. Также в статье анализируется влияние эпохи на тексты Кузьминой-Караваевой и матери Марии, сравнивается ее понимание мотива с тем, как на него смотрели современники.

УДК 821.161.1

Брызгалова Мария Денисовна,

бакалавр 4-го курса департамента «Филологический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

МОТИВНЫЙ КОМПЛЕКС ВРЕМЯ/ПАМЯТЬ В КНИГАХ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ

Свою новую прозу Татьяна Толстая пишет не от третьего лица, но от первого, создавая таким образом автобиографическую героиню и выстраивая автобиографическое пространство. Данный прием неизбежно актуализирует категории художественного времени и памяти. Мотив памяти в прозе Татьяны Толстой тесно связан с мотивом времени, поскольку одно обуславливает другое. Художественный мир писательницы состоит из разных уровней памяти – автобиографических воспоминаний, общекультурной памяти, памяти об истории. Каждому из этих уровней соответствует определенное представление о времени и определенный эмоциональный фон.

Ключевые слова: Татьяна Толстая; автобиографический герой; мотив памяти; мотив времени.

THE MOTIF OF MEMORY AND TIME IN TATYANA N. TOLSTAYA'S BOOKS

The new prose of Tatyana N. Tolstaya is written not from the third, but from the first person, which creates an autobiographic character and produces an autobiographic space. This reception inevitably actualizes the categories of imaginative time and memory. The memory motif in Tatyana Tolstaya's prose is intimately related to the time motif, because memory stipulates time. The artistic world of Tolstaya consists of different memory levels – from autobiographic remembrances to total cultural recollections and historical memory. Each of these levels has definite presentation of time and definite emotional background.

Keywords: Tatyana N. Tolstaya, autobiographic hero, time motif, memory motif.

Татьяна Толстая, «яркий, непочтительный, ядовитый писатель» [1, с. 130], относится к числу тех, кто принял завершение эпохи литературоцентризма без каких-либо оценочных характеристик. Она признала необходимость изменений соотношения рецепционных кодов не только в собственном стиле письма, соединив тенденцию к визуализации со скриптизацией бытия, литературной основой прошлого века, но и в выборе творческих стратегий и творческих амплуа.

Несмотря на изменения в стилистике письма и стратегиях творческого поведения, Татьяна Толстая внутренне обращена все же к веку литературоцентричному с его вечными культурными ценностями, передающимися от поколения к поколению, с его неизменной памятью о прошлом. Более того, в новой прозе она стала писать не от третьего лица, но от первого, создавая образ автобиографической героини и строя автобиографическое пространство, что с неизбежностью актуализировало категории художественного времени и памяти.

Мотив памяти в прозе Татьяны Толстой тесно связан с мотивом времени – одно обуславливает другое. В художественном мире писательницы есть разные уровни памяти – автобиографические воспоминания, общекультурная память, память об истории. Каждому из этих уровней соответствует определенное представление о времени и определенный эмоциональный фон.

Воспоминания о семье, детстве и юности составляют одну из ключевых тем для художественной прозы Татьяны Толстой как в ранних рассказах, так и автобиографических повестях, впервые опубликованных в сборниках 2010-х годов. Тема детства тесно сопряжена с темой двоемирия – детство проходит в тех пространствах, где времени нет, а вместе с ним нет и смерти: «И это ничему не мешает – ни алмазному свету миллиардов звезд, ни кривому пространству, ни неподвижному времени, ни плеску волн, ни дорогам, ни любви» [2, с. 59]. Родные и близкие не могут умереть, они уходят в иные пространства, где живут до тех пор, пока их помнят.

В автобиографических воспоминаниях о юности, когда надо «цвести пышным персидским цветом» [3, с. 11], время летит стремительно – оно более определено, чем время в воспоминаниях о детстве; более реально.

Совершенно другой тип памяти в прозе Толстой – память общекультурная и историческая, связанная с вневременным пространством или же с конкретной эпохой. Воспоминания о советском периоде, как правило, негативны – для писательницы он состоит из казенщины, бесчисленных убийств и ограничения свободы. Положительные воспоминания о каких-либо реалиях данного периода уходят во вневременной план – в другие пространства, в «легкие миры».

Таким образом, в своей новой прозе Татьяна Толстая создает художественный мир, автобиографическая основа которого дана эксплицитно, и мотивный комплекс время/память носит открыто личностный характер.

Литература

1. Гоцило Е. Взрывоопасный мир Татьяны Толстой / пер. с англ. Д. Ганцевой, А. Ильенкова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 202 с.

2. Толстая Т. Н. Легкие миры. М. : АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014. 477 с.

3. Толстая Т. Н. Девушка в цвету. М. : АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 348 с.

УДК 821.161.1

Демкович Ирина Анатольевна,
студентка 5-го курса департамента «Филологический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

**ДОМ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО
В ТВОРЧЕСТВЕ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА (ПОВЕСТЬ
«НА РУБЕЖЕ АЗИИ. ОЧЕРКИ ЗАХОЛУСТНОГО БЫТА»)**

Статья посвящена проблеме осмысления пространственно-бытийной структуры дома и системы домов-жилищ в повести «На рубеже Азии. Очерки захолустного быта» Д. Н. Мамин-Сибиряка.

Ключевые слова: художественное пространство; социальное пространство; дом; Д. Н. Мамин-Сибиряк.

Demkovich Irina Anatolyevna,
5-year student of the Department of Philology
Institute of Arts and Humanities
Ural Federal University

**HOUSE AS A SOCIAL SPACE IN THE WORK OF DMITRY
MAMIN-SIBIRYAK (WITH REFERENCE TO «AT THE
CROSSROADS OF ASIA. STICKS ESSAYS»)**

This article deals with the problem of understanding the spatial structure of house and the system of houses in the story «At the crossroads of Asia. Sticks essays» by Dmitry Mamin-Sibiryak.

Keywords: space in literature, social space, house, Dmitry Mamin-Sibiryak.